

— В университет я ездил три раза в неделю, включая субботу, которая стала теперь для меня рабочим днём, как и у всех преподавателей, а остальные три рабочих дня я проводил на станции. Подготовка к занятиям отнимала у меня очень много времени, как это всегда бывает с курсами, по которым ведёшь занятия впервые. Приходилось заниматься ею и на станции, и дома после работы. Собственно научная работа как-то отодвинулась в сторону, в этом отношении со стороны Гострема пока никаких инициатив не исходило. Зато в общеорганизационном плане он развил на станции столь же бурную деятельность как и в университете.

— Регулярно начал работать семинар, на котором научные работники поочерёдно докладывали о состоянии своих исследований. Часто проводились заседания актива, который Гострем составил из следующих лиц: он сам, разумеется; секретарь парторганизации Ричард Антонович Сивицкий, тихий, скромный инженер, по образованию мелиоратор, работавший раньше на сейсмостанции в Средней Азии и недавно лишь появившийся у нас; Стасик Тихомиров, занимавший теперь загадочную должность - начальник стенда, на Стасике фактически продолжала висеть вся рутинная работа станции по геофизическим наблюдениям; аспирант Чмырёв и я.

— На заседаниях этого актива обсуждались и текущие вопросы бытия, и перспективы. Разрабатывались будущая структура и Положение об обсерватории, ибо именно так, а точнее Калининградская комплексная магнитно-ионосферная обсерватория (КМИО) ИЗМИРАН, стала именоваться теперь бывшая Ладушкинская КМИС. На стене у входа в 1-е здание обсерватории появилась вывеска, на которой под стеклом красовалось золочёными буквами на чёрном фоне под гербом СССР новое наименование нашего заведения.

— Однажды Гострем сообщил мне:

— Во всякая солидная научная организация должен быть Учёный секретарь, так сказать. Я хочу, чтобы Вы были. Вся переписка, так сказать, документы.

— Учёного, неучёного, а секретарские обязанности с самого начала как-то возложились на меня. Я редактировал, то есть переводил на нормальный русский язык, все бумаги, которые составлял Гострем и по обсерваторским, и по университетским делам. Выяснилось, что и печатать-то их на машинке кроме меня некому, так как привлекавшиеся к этому ранее лаборанты Хромова и Емельянова делали массу грамматических ошибок, не представляли себе никаких форм официальных бумаг, короче, владели этим делом скорее менее, чем более.

— Поначалу я охотно взял на себя секретарские обязанности, стараясь во всём быть полезным Гострему, сблизиться с ним, и вскоре, действительно, стал чувствовать себя его правой рукой: со мной он обсуждал все вопросы, мимо меня не проходила ни одна бумажка.

— Как-то раз, когда мы были вдвоём в его кабинете, я решился сказать ему то, что с самого начала беспокоило меня:

— Рунар Викторович! Я хотел бы сообщить Вам одну вещь, касающуюся меня. Мне не хотелось бы этого скрывать. Дело в том, что в прошлом году у меня были неприятности с органами.

— Гострем удивлённо вытаращил на меня глаза:

— А в чём дело?

— Читал запрещённую литературу. "Доктора Живаго".

— Что, очень любите это дело?

— Я вообще интересуюсь литературой и Пастернаком, в частности.

— А зачем Вы это мне говорите?

— Не хочу, чтобы Вы об этом узнали от других.

— Что, обжёгся на молоко и дуешь на воду? - гоготнул Гострем. - Ладно, посмотрим, -

и перешёл к текущим делам.

— Я почувствовал огромное облегчение, словно камень с души свалился, и был признателен Гострему за то, что он не стал муссировать этот вопрос. Чувство симпатии к нему ещё больше укрепилось во мне.

— В ходе всех этих дел я занимался ещё и авторефератом своей диссертации. После проверки чернового варианта Борисом Евгеньевичем я окончательно его отредактировал и в марте отпросился у Гострема съездить на три-четыре дня в Ленинград, чтобы запустить автореферат в печать, договорившись с Виталиком о подмене меня на занятиях.

— В Ленинграде мне повезло в том, что университетская типография в этот момент не была перегружена заказами, и автореферат согласились напечатать. Обычно диссертантам приходилось мотаться по всему городу, чтобы договориться где-нибудь о печатании. Но надо было собрать массу подписей для запуска автореферата в печать: отдел аспирантуры, экспертная комиссия (внутриуниверситетская цензура), главлит (общегосударственная цензура), бухгалтерия, технический редактор - еле-еле, но успел я за отпущенный срок всех обежать, всё подписать и сдать автореферат в печать. Обещали сделать за две недели.

— Я договорился с Димой Ивлиевым, что он заберёт тираж из типографии и разошлёт положенное число экземпляров по обязательному рассылочному списку, куда входили все общесоюзные и республиканские библиотеки, ряд университетов, а также отделы науки ленинградских горкома и обкома КПСС, а также заинтересованным лицам и организациям, список которых я сам составил. Всю эту хлопотливую работу (чтобы забрать, например, автореферат из типографии, требовалось собрать ненамного меньше подписей, чем для того, чтобы сдать его в печать) Димуля добросовестно выполнил к середине апреля, и мне был назначен срок защиты диссертации - 21 мая.

(продолжение следует)